Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Дневник

«Когда мы существуем, смерть ещё не присутствует, когда смерть присутствует, мы не существуем»
Эпикур.

В приёмное отделение Марину доставили едва в сознании. Нестерпимая боль исказила черты её лица до неузнаваемости, а под глазами расцветали розовато-лиловые круги. Пальцы рук вцепились в края железной каталки так, что побелели фаланги. Женщина поступала к нам в третий раз, и снова на мою смену. Я отодвинула простынь вниз и осмотрела исхудавшее и измученное болезнью молодое тело. На этот раз кожа была дряблой, вся в пигментных пятнах, черты лица заострились. Она стонала от моего малейшего прикосновения и ничего не говорила. Но я и так всё знала про её болезнь.

— Марина, ты меня помнишь? Это я, Наталья Владимировна. Я в предыдущий раз была твоим лечащим врачом. Ты помнишь меня?

— Да, я помню. Сделайте что-нибудь. Голова вот-вот взорвётся от боли.

Я подозвала медсестру и назначила сразу двойную дозу обезболивающего. И без обследования было понятно, что процесс зашёл слишком далеко. Никакая агрессивнвя химиотерапия тут уже не поможет. И хоть поступала она в плановом порядке, отправлять её назад под амбулаторное наблюдение было нельзя.

— Всё будет хорошо — я мягко положила свою руку поверх её ладони — сейчас сделают укол и боль пройдёт. Я помещу тебя в палату под своё наблюдение. Завтра будет обследование. Ну а потом определимся с лечением.

— Доктор, наверно уже поздно. Сделайте так, чтобы я не мучилась.

— Престань чушь молоть. Полгода назад ты ушла отсюда на своих ногах. В этот раз будет так же.

Она промолчала. Я определила её в палату и назначила инфузионную терапию. Завтра разберёмся. Может быть, что-нибудь сделать ещё можно.

Через три дня обследование было закончено. Итог меня не радовал. Множественные метастазы проникли повсюду и у Марины оставалось совсем немного времени. Заведующий распорядился готовить документы на выписку.

— Павел Георгиевич, я хочу попробовать химиотерапию в сочетании с короткодистанционной гамма терапией. В отдельных случаях это даёт эффект. Ведь ей ещё и сорока нет — пыталась я возразить.

— Поздно, Наташа, поздно. Поверь моему опыту. Ты ей поможешь только тогда, когда оставишь её в покое. Не мучь себя и её. Завтра же на выписку. Всё, что ей теперь нужно — адекватное обезболивание. Как она сейчас?

— Сидит всё время у окна, и что-то там пишет. Пока стабильная. Она сейчас на морфине.

— Вот и славно. Выписывай завтра же.

Как обычно, наутро я делала обход своих больных. Марина спала в своей палате, и я не стала её беспокоить. Очередная доза обезболивающего действовала, и она безмятежно уснула. Пусть выспится. До обеда далеко, и выписные документы ещё не готовы. Собираясь уходить, я увидела, как из под простыни выпала тонкая тетрадь. Я подняла её и перелистала. Это был дневник. Она вела его каждый день. Понимая, что поступаю нехорошо, я спрятала его в папку

с документацией и унесла с собой в ординаторскую. До пересмены было два с лишним часа, и я начала читать исписанные ровным женским почерком страницы.

«Я медленно угасаю, но тебя нет со мною рядом. Мне сказали, что ты звонил и интересовался моим состоянием. Но тебе ничего не сказали. Я не разрешила никому про меня тебе что-либо говорить. Тогда ты пришёл. Ты сказал, что скучаешь по мне, и ждёшь-не дождёшься, когда я выздоровлю. И вновь, как и прежде, мы заживём счастливо. Мы поедем на моря, и весь твой отпуск будем предаваться любовным ласкам. Всё будет, как прежде. Я притворилась спящей и никак не реагировала. Потому что это была ложь. От тебя несло густым перегаром и дешёвыми сигаретами. Было понятно, что ночью ты неплохо повеселился. Для чего ты приходил? Для того, чтобы удостовериться, что я ещё жива? А может быть, в тебе наконец проснулась совесть? Вряд ли. Когда ты наконец ушёл, то я почувствовала облегчение...

Я медленно угасаю. Но тебя рядом со мной никогда нет. Ты постоянно находишь причины для того, чтобы куда-нибудь то меня смыться. Гулянки и спитртные напики — вот всё, что тебе нужно. А на меня у тебя никогда не хватает времени. Наверное ты думаешь, что я справлюсь со своим недугом сама. Но сил моих уже не осталось.

Я медленно угасаю. Все вокруг меня подбадривают, успокивают и желают мне скорейшего выздоровления. Мои коллеги по нескольку раз на дню приезжают ко мне и начальство закрывает на это глаза. Они кульками прут мне всякие деликатесы и чуть ли не насильно кормят из ложки. Ко мне приходят соседи и знакомые и подолгу дежурят возле моей постели. Только тебя среди них нет. Я давно поняла, что тебе уже не нужна. Но сказать мне это в глаза у тебя не хватает смелости. Ты предпочитаешь лгать и изворачиваться.

Я медленно угасаю. Кто-то из твоих знакомых мне сказал, что видел тебя в дешёвом кабаке в обществе двух вульгарных девок, которым на вид и двадцати-то нет. Ты с ними пил, и каждую по очереди лапал и говорил — меняю одну сорокалетнюю на двух двадцатилетних. Затем ты с ними ушёл.

Я медленно угасаю и чувствую приближение конца. Мне страшно. Я не знаю, будет ли что — нибудь после этого конца. Или ничего. Меня просто не станет. И по ночам я считаю свой пульс. Если он есть — значит жива ещё.

Я медленно угасаю и продолжаю зачем-то цепляться за жизнь, которая кроме невыносимых мучений ничего не приносит. Почему? Я этого не знаю. Наверное, так устроен мир, и знать про это нам не дано. Почему-то ко мне в последнее время по ночам приходит мой кот Васька, которого ещё четыре года назад переехала машина, и он умирал на моих руках. Как я хотела его спасти. Куда только не возила. Но всё было тщетно, он умер, и я похоронила его в конце огорода под плакучей ивой.

Я меденно угасаю и постоянно смотрю в окно. Там, снаружи, жизнь идёт своим чередом и когда меня не станет, ничего не изменится. Я знаю, что у меня теперь нет шансов. Если бы было возможно хоть немного всё отмотать назад, то я бы изменила свой образ жизни, не занималась самолечением, и занялась бы своим здоровьем всерьёз, а не в самый последний момент.

Я медленно угасаю, и всё время жду тебя вопреки всему. Я не хочу верить в сплетни и злые языки. Я жду, что ты придёшь и твой голос, как когда-то давно будет искренним. Возможно, это даст мне новые силы и надежду. Но ты так больше и не появился.»

Я заканчивала чтение страниц, когда в ординаторскую вбежала медсестра.

— Наталья Владимировна! Владова умерла. Я пришла ставить ей реамберин, а она не дышит.

— Бегу — сказала я, и спрятав в ящик стола дневник, бросилась в палату.

Она лежала в спокойной позе и лицо её отражало умиротворение. Пульса на похолодевших руках не было. Марина умерла тихо во сне, без мучений. Она ушла на рассвете с восходом первых лучей весеннего солнца. Я стояла у окна большой ординаторской и смотрела вниз. Её тело, укрытое с головой плотной простынёй вывозили на каталке из отделения и катили в сторону морга через живописный больничный дворик онкологического диспансера. Лишь прядь густых каштановых волос выбивылась из под простыни и шевелилась на ветру. Отвернувшись, я уселась за стол и стала иеречитывть страницы дневника безвременно ушедшей Марины. Скоро пересмена. Надо успеть на утреннюю маршрутку, приехать пораньше, и как следует выспаться. Сегодня опять в ночь. Жаль Марину. Совсем молодая ещё. Три года она боролась и мне удавалось в самый последний момент остановить болезнь, заставить её отступить. Но болезнь победила. Не научились ещё люди эффективно противостоять этой проклятой онкологии.

С тех пор прошло почти пятнадцать лет. Многое изменилось. Появились новые технологии, да и фармакология не стоит на месте. Наука движется вперёд, и онкологических больных лечат уже более успешно. Но дневник ушедшей женщины я храню по сей день. Я часто перечитываю пожелтевшие от времени страницы и думаю — а что буду чувствовать я сама, когда придёт мой час.

История посвящена Анне, фельдшеру выездной бригады подстанции № 2 скорой медицинской помощи, самоотверженно трудившейся на протяжении 11 лет, и спасшей за свою непродолжительную жизнь множество человеческих жизней.

ARHIMED